называемого „сефардского произношения“ древне-еврейского языка, но по такому небольшому отрывку судить о целом едва ли правильно.

Вышел ли перевод Черниховского в свет, мне не известно.

5. Малоизвестный перевод „Слова“ на английский язык

(1918)

В коллекции проф. М. П. Алексеева находится редкое издание „The Tale of Igor. Adapted from the Old Russian Legend by Helen de Vere Beauclerk. With Six Illustrations designed and hand-coloured by Michel Sevier“. 1918. London. C. W. Beaumont, 75 Charing Cross Road W. C. 23 pp.

Книга вышла в количестве 125 нумерованных экземпляров (25 на японской пергаменной бумаге с подписями переводчицы и иллюстратора и 100 на бумаге антик). Экземпляр проф. М. П. Алексеева, помеченный № 20 А, принадлежит к первой группе.

Перевод сделан в прозе. Г-жа Элен де Вир Бьюкларк разделила поэму на три разделенные виньетками главы: первая кончается словами, соответствующими в подлиннике стиху: „Ничить трава жалощами“, вторая кончается плачем Ярославны; бегство Игоря образует последнюю главку. Переводчица не стремилась к точности передачи старорусского текста. Она не придерживалась канонической последовательности эпизодов, следуя в этом отношении некоторым комментаторам. Иногда переводчица позволяла себе безвкусные вставки, совершенно неуместные и нарушающие экономную выразительность оригинала. Так, например, плач Ярославны в переводе г-жи де Вир Бьюкларк замыкается следующим сентиментальным возгласом: „Ah! Woeful was the day when first I wept for him“ (p. 20). Глава третья также начинается „отсебятиной“: „Now shall we speak again of Igor brethren, as he lay captive in the Polovetskytents by the river“ (p. 21).

Впрочем, перевод в общем не плох, местами он производит даже приятное впечатление. Переводчица не отяготила свою „адаптацию“ примечаниями, очевидно, предпочитая, чтобы ее перевод воспринимался читателями как сплошная экзотика, непонятная вовсе или малопонятная, но ни в коем случае не как ученый перевод, в котором комментарии совершенно выветривают аромат подлинника.

Можно даже допустить, что в этом издании перевод играл второстепенную роль, служа как бы словесным дополнением к шести иллюстрациям, стилизованным под старорусские рукописные украшения. Фронтиспис представляет воображаемого автора „Слова о полку Игореве“ за работой. Вторая иллюстрация дает „портрет“ Игоря. Третья изображает битву с половцами, четвертая — набег половцев на Русь, пятая — плач Ярославны, шестая — возвращение Игоря.

Манера М. Сивьера не представляет ничего оригинального: „The Tale of Igor“ в художественном отношении примыкает к тому „лубочному“ направлению, которое было модным на Западе и 1917—1924 гг. в период увлечения „русским“ искусством, когда процветали журнал „Жар-Птица“, книги с иллюстрациями В. Масютина, Н. Гончаровой, Ларионова и др.